

Wentzlaff-Eggebert F. W. Hofmannsthal's "Jedermann" als allegorisches Spiel für die "lebendige Bühne. Hofmannsthal Blätter. Heft 6. Frühjahr 1971. S. 461–471. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Alekseyev M.P. Drama v XV veke. Zarozhdeniye teatra v Anglii [Drama in the XV century. The birth of theater in England]. Istoriya angliyskoy literatury [History of English literature]. Moscow; Leningrad, 1943. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/istoriya-anglijskoj-literatury/moralite.htm> (accessed 27.09.2018). (In Russian).

Bakhtin M.M. Satira [Satire]. Bakhtin M.M. Sobraniye sochineniy [Collected works]. Vol. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov [Works of 1940 – early 1960s]. Moscow, 1997. Pp. 26–38. (In Russian).

Tsvetkov Yu.L. Avstriyskaya ideya Gugo fon Hofmanstalya v publitsistike Pervoy mirovoy voyny [The Austrian idea of Hugo von Hofmannsthal in the journalism of the First world war]. Literatura i voyna: situatsiya 1914–1918 godov. [Literature and war: the situation of 1914–1918]. Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov. [Russian German studies: Yearbook of the Russian Union of German studies]. Vol. 12. Moscow, 2015. Pp. 220–227. (In Russian).

(Monographs)

Andreyev M.L. Srednevekovaya evropeyskaya drama: Proiskhozhdeniye i stanovleniye. [Medieval European drama: Origins and formation]. Moscow, 1989. (In Russian).

Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoy kul'tury. [Categories of medieval culture]. Moscow, 1984. (In Russian).

Gurevich A. Ya. Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva. [Medieval world: culture of the silent majority]. Moscow, 1990. (In Russian).

Mayer M. Hugo von Hofmannsthal. Stuttgart; Weimar, 1993. (In German).

Zimmel' G. Filosofiya deneg. [Philosophy of money]. URL: http://srinest.com/book_897_chapter_13_Georg_Zimmel_FILOSOFIJA_DENEG.html (accessed 20.10.2018). (In Russian).

Сведения об авторе:

Цветков Юрий Леонидович, Ивановский государственный университет. Заведующий кафедрой зарубежной литературы, доктор филологических наук, профессор. E-mail: jzvetkow@mail.ru

Tsvetkov Yuri L., Ivanovo state University. Head of the Department of foreign literature, doctor of Philology, Professor. E-mail: jzvetkow@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ ТРЕТЬЕЙ РЕВОЛЮЦИИ ДУХА
В ЭССЕ ТОМАСА МАННА «ГЕТЕ И ТОЛСТОЙ»**

А.И. Жеребин

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

***Аннотация.** Историко-литературный этюд Томаса Манна «Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» (1921–1932) – выразительный пример немецкой эссеистики XX века, последняя отчаянная попытка возрождения гуманистической традиции накануне нацистского переворота. Интерпретируя факты личной и литературной биографии Толстого на фоне жизни и творчества Гете, Т. Манн отнюдь не стремится к научной объективности. Его книга – не научное исследование, а образец синкретической философской прозы, в которой эмпирический материал проецируется на бытийные универсалии, а идея как принцип изображения сливается с художественной формой. Толстой и Гете (как и контрастная пара Шиллер – Достоевский) получают у Т. Манна функцию “personnages conceptuels” (Deleuz/Guattari 1991б 93), обеспечивающих развитие авторской мысли. Имена исторических личностей, которые они носят, в значительной степени условны, их связь не теснее, чем связь между литературным героем и его реальным прототипом. Искусство психологического портрета, яркие повествовательные эпизоды, парадоксальность философской аргументации, своевольная интерпретация обильных цитат – все служит Т. Манну средством создания художественно-идеологической конструкции, преобразующей антитезу варварской России и цивилизованной Европы в сверхнациональный миф о западно-восточном культурном синтезе. Несущим элементом этой конструкции является неохристианство Д.С. Мережковского, в котором Т. Манн узнает наследие классической немецкой культуры. Идеальная встреча Т. Манна с Мережковским происходит в общем методологическом поле, ограниченном, с одной стороны, от традиционного историко-генетического изучения литературных фактов, с другой – от филологического анализа текста как чистой художественной формы. Подобно Мережковскому, Т. Манн видит свою задачу в создании целостного образа творческой личности художника, представляющей собой сплав его личных биографических переживаний и эпохального чувства жизни, поэтики его произведений и духовного опыта их толкователя.*

***Ключевые слова:** гений, герменевтика, гуманизм, концептуальный персонаж, миф, революция духа, русская идея, синтез, утопия, эссе.*

CONCEPT OF THE THIRD REVOLUTION OF THE SPIRIT IN THOMAS MANN'S ESSAY "GOETHE UND TOLSTOY"

Abstract. The historical and literary sketch of Thomas Mann "Goethe and Tolstoy. Fragments to the problem of humanism" (1921–1932) is an expressive example of the 20th century German essays, the last desperate attempt to revive the humanistic tradition on the eve of the Nazi coup. Interpreting the facts of Tolstoy's personal and literary biography against the backdrop of Goethe's life and creativity, T. Mann does not aim at scientific objectivity. His book is not a scientific study, but a sample of syncretic philosophical prose in which empirical material is projected onto existential universals, and the idea as an image principle merges with an art form. Tolstoy and Goethe (like the contrasting pair Schiller – Dostoevsky) receive from T. Mann the function of "personages concepts" (Deleuze / Guattari 1993), who ensure the development of author's thought. The names of the historical figures they carry are largely conditional, their connection is not closer than the connection between the literary hero and his real prototype. The art of the psychological portrait, vivid narrative episodes, the paradoxical nature of philosophical argumentation, the self-willed interpretation of abundant quotations – all serve to Mann as a means of creating an artistic and ideological construction that transforms the antithesis of barbarous Russia and civilized Europe into a super-national myth of Western-Eastern cultural synthesis.

The bearing element of this construction is the neo-Christianity of D.S. Merezhkovsky, in which T. Mann learns the legacy of classical German culture. The ideological meeting of T. Mann with Merezhkovsky takes place in a general methodological field, limited, on the one hand, from the traditional historical-genetic study of literary facts, on the other hand, from the philological analysis of the text as a pure artistic form. Like Merezhkovsky, T. Mann sees his task in creating a holistic image of the artist's creative personality, which is a fusion of his personal biographical experiences and epochal sense of life, the poetics of his works and the spiritual experience of their interpreter.

Key words: *genius, hermeneutics, humanism, conceptual character, myth, revolution of spirit, Russian idea, synthesis, utopia, essay.*

Эссе Томаса Манна «Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» (1925; окончательная редакция – 1932) представляет собой развернутую версию доклада, который его автор читал на немецко-скандинавском форуме 1921 г. в Любеке. [Mann 2002, 45–84; 313–314]. Как показывают подготовительные материалы к любекскому докладу [Koelb 1984], из русских источников Т. Манн опирался на мемуары П. И. Бирюкова (1905; нем. 1906–1908), очерк Максима Горького «Воспоминания о Льве Николаевиче

Толстом» (1919; нем. 1920) и прежде всего на получившую широкое распространение в Германии книгу Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский» (1900–1902; нем. 1903) с ее противопоставлением «ясновидца плоти» Толстого «ясновидцу духа» Достоевскому.

Развертывая эту антитезу, Т. Манн дополняет Мережковского Шиллером, который в большой статье «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795) различает два типа творчества, проистекающие из различного отношения к природе: «Поэт или является природой, или тоскует по ней и ее ищет» [Schiller 1909, 127]. Гете олицетворяет для Шиллера первое, сам он – второе. Т. Манн прямо называет статью Шиллера в числе своих источников и, удваивая сравнение, вводит контрастную пару. Одна пара – Гете и Толстой – баловни природы, ее дети, плоть от плоти ее, недоступные и загадочные, как боги; другая – Шиллер и Достоевский – одухотворенные мученики невоплощенной еще идеи, неудовлетворенные собой и миром, родные и понятные каждому, с каждым связанные братски-участливой солидарностью страждущих, обреченных, зыскующих спасения.

По мысли Т. Манна, гениальный художник, как наивный, так и сентиментальный, страдая от своей односторонности и тоскуя по противоположному дару, живет и творит в предчувствии высшего синтеза. «Торжественная встреча природы и духа, страстно стремящихся друг к другу» [Mann 1955, X, 238] – таков бессознательный идеал, смутно предчувствуемый гениальным художником, какой бы тип творчества он ни представлял. Все драматические коллизии, определяющие в книге Т. Манна жизнь и творчество ее героев, изображаются им на фоне грядущего синтеза, которому и предстоит стать решением проблемы гуманизма: «Тоска детей духа по природе, детей природы по духу свидетельствует о том, что цель, стоящая перед человечеством, – это высшее единство, и человечество окрестило его собственным своим именем – humanitas» [Mann 1955, X, 272].

К решению проблемы гуманизма Гете и Толстой движутся, согласно Т. Манну, различными путями. Начиная с главы «Природа и нация» образ Толстого все больше смещается в смысловое пространство «азиатской России», в область «могучей и варварской стихии Востока» [Mann 1955, X, 230]. Несколько раз, как лейтмотив, возникает на страницах эссе Т. Манна заимствованный им из очерка Горького о Толстом образ «языческого славянского бога, восседающего на кленовом престоле под золотой липой» [Mann 1955, X, 163; 230; 235]. Богатырская сила, первобытная и преизбыточная, необоримая чувственность, мудрость древнего волхва, дарованная таинственной связью сына природы с органическим миром и вызывающая «мистическое

благоговение» [Mann 1955, X, 218] – таков круг мотивов, в котором Т. Манн замыкает свой стилизованный образ Толстого.

Обаяние экзотического варварства, которое он в себе несет, прочувствовано и выражено Т. Манном с дистанции, отделяющей от него человека поздней европейской культуры, пресыщенной своими собственными богатствами и замороженной видениями гибели в «тяжелых нежных лапах» грядущих гуннов. От восхищения Т. Манна Толстым веет декадансом, но одновременно оно подсвечено и европейским высокомерием. Как и многие его современники, Т. Манн исходит из убеждения в том, что славянству осталась чуждой классическая античная традиция, что оно не было ею облагорожено. В Германии эта идея высказывалась целым рядом мыслителей, сделавших предметом своих размышлений отношения России и Запада [Lehmann 2015, 91–94]; в России реакцией на нее стала влиятельная в свое время нео-славянофильская концепция «Третьего Возрождения», представленная у Фаддея Зелинского, Вячеслава Иванова, Иннокентия Анненского, Сергея Соловьева, а позднее и у Бахтина [Грюбель 2015, 123–141].

Отрешенность Толстого от классических источников европейской духовности явилась, по Т. Манну, причиной того, что все его попытки преодолеть свою зависимость от природы оборачиваются шутовским маскарадом и трагическим самообманом. Сквозь его «одухотворенную святость» продолжает просвечивать «плотский анимализм» [Mann 1955, X, 225], его отказ от художественного творчества во имя нравственного самоусовершенствования оборачивается изменой самому себе, его жажда религиозного отречения и анархическая критика общества остаются свидетельством кризиса современной культуры, но не становятся орудием ее преобразования. Вскоре после Т. Манна и, быть может, не без его влияния так же писал о Толстом в статье «Толстой как мыслитель и художник» С. Л. Франк [Frank 1933, 65–95].

Толстовская революция духа не порождает, с точки зрения Т. Манна, синтетического феномена одухотворенной природы, лишь обнажая исходную антитезу. Различие между Гете и Толстым Т. Манн видит прежде всего в том, что Гете классического периода не просто отрицает чувственно-телесную природу своей гениальности, а пресуществляет и сублимирует ее в художественном творчестве как творчестве жизни. Природа, плоть мира не есть для него что-то грешное и дьявольское, низменное и скотское, как для позднего Толстого с его антитезой «грешная плоть – бесплотная святость». Гете знает, что дух есть не только отрицание низшего, но и утверждение высшего состояния плоти, что возможна святая плоть [Mann 1955, X, 238].

Гете значит для Т. Манна больше, чем Толстой, и хотя последняя редакция эссе создавалась накануне фашистского переворота, основным социально-политическим фоном, на котором получает развитие тема их неравенства, продолжают оставаться, как и в докладе 1921 г., события русской революции.

О Толстом как пророке русской революции писали в двадцатые годы много и страстно. Все писавшие сравнивали Толстого с Руссо, видя в том и другом идеологов надвигающейся революции, а революцию воспринимали под знаком отрицания лживой культуры и возврата к природе. «Большевизм – зверство, – пишет в статье «Толстой и большевизм» Мережковский. – Но когда я читаю Руссо, мне хочется, следуя злой шутке Вольтера, встать на четвереньки и убежать в лес. Глядя на большевиков, всей Европе захотелось в лес. От Руссо к Толстому растет и ширится воля к дикости, к варварству, и Европа стоит на краю бездны» [Mereschkowskij 1921, 195]. Т. Манн разделяет этот взгляд на Толстого. Идеолог анархии, Толстой является, по Т. Манну, пророком большевистской революции, которая не только отменила европейский путь развития России, предуказанный ей Петром Великим, но и взорвала символический порядок старой Европы, положила конец всей эпохе «бюргерского гуманизма» [Mann 1955, 263–266].

В контексте творчества Т. Манна анархист Толстой, бунтующий против Петра, предвосхищает композитора-анархиста Адриана Леверкюна, стремящегося своей авангардистской музыкой отменить «Девятую симфонию» Бетховена – символ европейского гуманизма. Так же, любя и запрещая себе любить, отвергает музыку Бетховена и Толстой, о котором у Т. Манна читаем: «Рассказывают, что когда он слушал музыку, то бледнел от страха. Но без музыки он жить не мог» [Mann 1955, X, 190]. Примечательно, что Бетховеном заслушивался и Ленин, и, заслушиваясь, испытывал, по свидетельству Горького, почти толстовское чувство – чувство запретной любви, смешанной со страхом, что не выдержит искушения [Горький 1979, 169]. У Т. Манна, посвятившего Ленину небольшую, но выразительную заметку («О Ленине», 1924) [Mann 2002, 228] эта параллель отсутствует, но она бы соответствовала ходу его мыслей.

Музыка революции, которую призывал в годы революции слушать Блок, противопоставляя ее гуманистической культуре Запада и русской интеллигенции, – это музыка не Бетховена, а Леверкюна, музыка разрушения, оправданная по Ницше и Бакунину: “Die Lust der Zerstörung ist auch eine schaffende Lust” («Страсть разрушения есть также творческая страсть») [Bakunin 1001]. Статья Блока, написанная незадолго до первого варианта эссе Т. Манна, называется, как известно, «Крушение гуманизма».

Именно крушение гуманизма знаменует, по Т. Манну, русская революция – того гуманизма, который зародился, как он пишет, в эпоху Возрождения, победил в эпоху Французской революции и был неразрывно связан с интересами третьего сословия, с принципом свободы личности, политическим либерализмом и демократической формой государства [Mann 1955, X, 265–266]. Уязвимость европейского гуманизма заключается, с точки зрения Т. Манна, в том, что он остановился в своем развитии, стал лживой нормой и мертвой догмой. Буржуазная Европа опошшила, профанировала идею гуманизма, изгнав из культуры дионисийскую стихию разрушения и обновления, воспетую Ницше.

«Большевистский» радикализм Толстого, его болезненный разрыв с природой и форсированная святость рассматриваются Т. Манном как свидетельство кризиса профанного гуманизма, воли к его ресакрализации и метафизическому оправданию. «Я могу понять, – пишет он, – почему юность выбирает Москву, а не Рим» [Mann 2002, 83], т.е. выбирает революционный протест против тех ценностей западной культуры, которые на длинном пути от античности к XIX веку трансформировались настолько, что Ницше и Флобер, Герцен и Достоевский, Ибсен и Бернард Шоу задохнулись от ненависти и отвращения к торжествующему мещанству.

Но красная, большевистская Москва, отождествленная Т. Манном с толстовским «царством духа», представляется ему такой же ложью и самообманом, как и фальшивая святость русского гения Толстого, изменившего своему призванию. И Москве, и Риму Т. Манн противопоставляет Веймар, символ немецкой идеи и первообраз будущей чаемой Германии – «Германии нашей надежды» [Mann 2002, 83]. Надежда, воплощенная в личности и творчестве Гете, сбудется, по Т. Манну, тогда, когда Германия станет его достойной наследницей.

В двадцатые годы имя «Веймар» и имя «Гете» употребляются Т. Манном как синонимы, обозначающие немецкую национальную идею, но парадокс заключается в том, что эта немецкая идея формулируется Т. Манном в свете идеи русской и с прямой ссылкой на русского автора – Д. С. Мережковского, которого он ценит настолько высоко, что в предисловии к «Русской антологии» 1921 г. называет его «самым гениальным критиком и психологом мирового класса со времен Ницше» [Mann 1955, XI, 576]. Опровергая одного русского – Толстого, Т. Манн берет себе в союзники другого – Мережковского.

Повышенный интерес Т. Манна к Мережковскому не раз привлекал внимание его исследователей [Heftrich, 71–79], но книга «Гете и Толстой» примечательна тем, что идейная встреча немецкого писателя с Мережковским получает здесь дополнительную методологическую мотивировку.

Одним из центральных признаков, по которому Т. Манн сближает Гете и Толстого, служит подчеркнутый автобиографический характер творчества того и другого, явная и осознанная самими авторами связь литературных фактов с фактами внутренней биографии, личной и социальной. Для Т. Манна этот признак чрезвычайно важен, и он вводит его уже в самом начале своего эссе, когда, напомнив читателю известное признание Гете из «Поэзии и правды» – «Все мои произведения – лишь отрывки одной большой исповеди» – тут же сопоставляет его с наблюдением Мережковского, писавшего, что все художественные произведения Толстого есть, «в сущности, не что иное, как один огромный дневник, одна бесконечная развернутая исповедь» [Mann 1955, X, 167].

Подчеркивая роль автобиографических переживаний, Т. Манн, как и Мережковский, вступает в противоречие с методологией XX века, которая все решительнее отказывается видеть в произведениях писателя лишь свидетельства его душевной жизни, пусть и отразившие сознание эпохи, все явственнее переносит центр тяжести с личности автора на тексты его произведений, выявляя в них следы безличных структур языка, жанра, дискурса. По отношению к Мережковскому влияние этой тенденции ощутимо уже в ранней статье Б. М. Эйхенбаума «Мережковский-критик» [Эйхенбаум 1915, 134].

Между тем, ни у Мережковского, ни у Т. Манна внимание к личности автора отнюдь не подменяет осмысление его произведений наивной психологической индукцией, сводя творчество к психологическому документу, обусловленному биографическим переживанием как причиной. Переживание творческой личности не есть для них сырой материал, внешний и независимый от творчества. Подобно Дильтею [Dilthey 1907] и Гундольфу [Gundolf 1920], они исходят из того, что переживание художника, вобравшее в себя чувство жизни его эпохи, изначально преображено его творческой волей и находится в нерасторжимом единстве с его творчеством. Чем интенсивнее творческие силы художника, тем полнее «во-ображает» он то или иное событие одновременно и в реальность своей жизни, и в реальность своих произведений. Так рождается автобиографический миф гения [Ср. Магомедова 1913, 7–22], на основе которого критик, актуализируя его в свете своего личного и исторического опыта, создает миф во второй степени – целостный образ поэта, его «гештальт» (Гундольф).

Логическим следствием этой общей для Т. Манна и Мережковского методологической установки является принцип подчинения эмпирического материала философской конструкции, которой придается идеологическое и политическое значение. Последний абзац последнего фрагмента эссе

Т. Манна почти буквально воспроизводит пассаж из книги «Толстой и Достоевский», где Мережковский оглашает тайну грядущего соединения бездуховной плоти и бесплотного духа. Их синтез – одухотворенная плоть или воплощенный дух, будет преодолением векового дуализма язычества и христианства, земли и неба, человека и Бога – земля станет небесной, небо земным, а человек – богочеловеком [Mereschkowskij 1903, 300].

Идея «Третьего Царства», определившая все творчество Мережковского, в том числе и концепцию его книги о Толстом и Достоевском, опирается, как известно, на многовековую традицию европейской культуры; через Ибсена и Ницше, Гейне и Новалиса, Шиллера и Лессинга она уходит своими корнями в средневековую мистику. Однако Мережковский был убежден и убедил своих западноевропейских читателей в том, что законная наследница и естественная среда этой идеи в XIX веке – культура русская, и Т. Манн это убеждение разделяет. Заканчивая свое эссе, он прямо ссылается на Мережковского: «Некий ум с Востока рано узрел медленно разгорающийся свет новой веры. Дмитрий Мережковский утверждает, что в земном человеке заключен и человек-животное, и человек-бог. Человечество еще не постигло сущности телесно-духовного, животно-божественного» [Mann 1955, X, 272].

Проблема гуманизма будет решена, как пишет Т. Манн, когда-нибудь, когда наступит «Третье царство» и будут преодолены все противоречия современной культуры, в том числе и противоречие между Востоком и Западом, Россией и Европой. Когда небо станет земным, а земля небесной, человек богом, а бог человеком, то и Восток станет Западом, а Запад Востоком, Россия станет Европой, а Европа Россией. Как это «Третье царство» будет называться, не так важно. Мережковский думает, что оно будет называться Россией, Т. Манн, что Германией, но и у того, и у другого провозвестницей грядущего преображения выступает личность гениального художника – «безмерно любимый образ совершенной человечности» [Mann 1955, X, 273].

Литература

- Горький М. В.И. Ленин // Собр. соч.: В 16 т. М., 1979. Т. 16. С. 135–175.
 Грюбель Р. «Третий Ренессанс» как концепт «другого модерна» // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 76 (2015). С. 123–142.
 Магомедова Д. Александр Блок: биография и поэтика в свете автобиографического мифа. [Opuskula slavica sedlcensia. T. V]. Siedlce, 2013.
 Эйхенбаум Б. Мережковский-критик // Северные записки. 1915. № 4. С. 130–138.

- Bakunin M. Die Reaktion in Deutschland. Ein Fragment von einem Franzosen. In: Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst. 1842. № 247–251, 17. 21. 10. 42. S. 985–1002.
 Deleuz G. / Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris, 1991.
 Dilthey W. Das Erlebnis und die Dichtung. Leipzig, 1907.
 Frank S. Leo Tolstoj als Denker und Künstler. In: Zeitschrift für slawische Philologie. 1933, Bd. X. Doppelheft ½, S. 65–95.
 Gundolf F. Goethe. Berlin, 1920.
 Heftrich U. Thomas Manns Weg zur slavischen Dämonie. In: Thomas Mann-Jahrbuch 8, 1995. S. 71–79.
 Koelb C. (Hg.). Thomas Mann's "Goethe und Tolstoy": Notes and Sources, The University of Alabama Press, 1984.
 Lehmann J. Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart: Metzler, 2015.
 Mann Th. Gesammelte Werke in zwölf Bänden. Berlin, 1955.
 Mann Th. Essays. 6 Bde. Hrsg. v. Hermann Kurzke u. Stefan Stachorski. Frankfurt a. M., 2002. Bd. II: 1914–1926.
 Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Dostojewski als Menschen und Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens. Deutsch von Carl von Gütschow. Leipzig, 1903.
 Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Bolschewismus, in: Mereschkowskij, Dmitrij [et al.]. Das Reich des Antichristen. Russland und der Bolschewismus. München, 1921. S. 191–198.
 Schiller F. Über naive und sentimentalische Dichtung. In: Schillers Werke. Vollständige Ausgabe in 15 Teilen. Hrsg. von Arthur Kutscher. Berlin-Leipzig-Wien-Stuttgart, 1909. Th. VIII, S. 105–191.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Ejhenbaum B. Merezchkowskij-kritik [Merezchkowskij as a critic] // Severnye zapiski, 1915, № 4, 130–138. (In Russian).
 Gryubel' R. «Tretij Renessans» kak koncept «drugogo moderna» [„Third Renaissance“ as a concept of „the other modernity“] // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 76 (2015). (In Russian).
 Frank S. Leo Tolstoj als Denker und Künstler. In: Zeitschrift für slawische Philologie. 1933, Bd. X. Doppelheft ½. S. 65–95.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Paper)

- Bakunin M. Die Reaktion in Deutschland. Ein Fragment von einem Franzosen. In: Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst. 1842. № 247–251, 17. 21. 10. 42. S. 985–1002.

Heftrich U. Thomas Manns Weg zur slavischen Dämonie. In: *Thomas Mann-Jahrbuch* 8, 1995. S. 71–79.

Koelb C. (Hg.). Thomas Mann's "Goethe und Tolstoy": Notes and Sources, The University of Alabama Press, 1984.

Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Bolschewismus, in: Mereschkowskij, Dmitrij [et al.]. Das Reich des Antichrist. Russland und der Bolschewismus. München, 1921. S. 191–198.

(Monographs)

Deleuz G. / Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris, 1991

Dilthey W. Das Erlebnis und die Dichtung. Leipzig, 1907.

Gundolf F. Goethe. Berlin, 1920.

Lehmann J. Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart, 2015.

Magomedova D. Aleksandr Blok: biografiya i poehtika v svete avtobiograficheskogo mifa. [Alexandr Blok. Biography and poetics in view of autobiographical myth] [Opuskula slavica sedlcensia. T. V]. Siedlee, 2013.

Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Dostojewski als Menschen und Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens. Deutsch von Carl von Gütschow. Leipzig, 1903.

Сведения об авторе:

Жеребин Алексей Иосифович – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Область научных интересов: литература Германии, сравнительное литературоведение.

E-mail: zerebin@mail.ru

195112, Санкт-Петербург, Новочеркасский проспект, 26/16, кв. 123.

Zherebin Alexej I. – Doktor of Philology, Professor at the Department of Foreign Literature, The Herzen State Pedagogical University of Russia. Research interests: German and Western literature, Komparative Studies

E-mail: zerebin@mail.ru

Sankt-Peterburg 195112, Novočerkassky prospect, 26/16, 123.

ДОКТОР КРОКОВСКИЙ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ Т. МАННОМ ПСИХОАНАЛИЗА

Д.А. Беляков

Московский государственный лингвистический университет, Москва

***Аннотация.** Статья посвящена двум малоисследованным в отечественном манноведении вопросам. Во-первых, предпринимается попытка рассмотреть роль психоаналитика Эдвина Кроковского в становлении главного героя романа «Волшебная гора». Подчеркивается, что излагаемое Кроковским учение возникает на горизонте Ганса Касторпа как шанс преодолеть глубинный личностный кризис. Это обстоятельство с течением времени превращает доктора из второстепенного собеседника в одного из главных наставников героя на пути, ведущем к «новому гуманизму». Во-вторых, на примере Кроковского автор статьи исследует эволюцию отношения Т. Манна к глубинной психологии и ее создателям. Показывается, как, проблематизируя и деконструируя несоответствующую реалиям усложнившейся действительности рационально-просветительскую гносеологическую модель, психоанализ З. Фрейда на определенном этапе сам приближается к пределам своих когнитивных возможностей и уступает место юнгианской аналитической психологии, постулирующей более адекватные подходы к динамике психической жизни человека и закономерностям развития его личности. Делается вывод, что процесс индивидуации главного героя «Волшебной горы» постепенно претворяется в сюжетобразующий мотив романа.*

***Ключевые слова:** Томас Манн, манноведение, «Волшебная гора», новый гуманизм, Зигмунд Фрейд, психоанализ, Карл Густав Юнг, аналитическая психология.*

DOCTOR KROKOWSKI AND SOME SPECIAL ASPECTS OF THOMAS MANN'S RECEPTION OF PSYCHOANALYSIS

***Abstract.** The article is devoted to two under-investigated issues in Russian Thomas Mann Studies. On the one hand, an attempt is made to consider the role of the psychoanalyst Edvin Krokowski in the personal formation of the protagonist of the novel "The Magic Mountain". It is emphasized that the theory presented by Krokowski arises on the horizon of Hans Castorp as a chance to overcome a deep identity crisis. This circumstance gradually turns the doctor from a secondary interlocutor into one of the main mentors of the protagonist on the path leading to "new humanism". On the other hand, on the example of Krokowski the author of the article explores the evolution of Th. Mann's attitude towards*